

Составитель Александр
Храмушин

Христианская антропология

курс воскресной школы для взрослых

Х

**Христианская антропология.
Курс воскресной
школы для взрослых**

«Издательские решения»

Х

Христианская антропология. Курс воскресной школы для взрослых / Х — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857172-5

Книга представляет собой учебник, в котором в максимально доступной форме изложены основные положения православного учения о человеке. Предназначена для использования в приходских воскресных школах и для самостоятельного изучения. Содержит большое количество цитат из творений Святых Отцов Церкви.

ISBN 978-5-44-857172-5

© Х

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Науки, изучающие тело человека	8
Науки, изучающие душу человека	9
прп. Иоанн Кассиан Римлянин. «Собеседования Египетских отцов»	11
Науки, изучающие дух человека	13
Происхождение человека	14
Личность	16
Человек до грехопадения	19
Образ Божий в человеке	23
Γνῶθι σεαυτόν	24
Человек после грехопадения	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Христианская антропология

Курс воскресной школы для взрослых

Х

Корректор Мария Александровна Храмушина

Составитель Александр Сергеевич Храмушин

© Х, 2017

ISBN 978-5-4485-7172-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Данный курс составлен в воскресной школе для
взрослых при храме Святого равноапостольного
князя Владимира РПЦ МП г. Пермь.**

Составитель: Храмушин Александр Сергеевич.

Предисловие

Антропология – это наука о человеке (от др.-греч. *ἄνθρωπος* – человек; *λόγος* – наука).

Данный курс составлен с целью его изучения в воскресной школе для взрослых. Работ по христианской антропологии не очень много, и написаны они преимущественно для студентов теологических отделений светских вузов или для студентов православных духовных учебных заведений. К этим работам можно отнести фундаментальный труд профессора архимандрита Киприана (Керна) «Антропология святителя Григория Паламы» написанная им в эмиграции, книгу известнейшего современного греческого богослова Христоса Яннара «Вера Церкви. Введение в православное богословие», труды иерея Олега Давыденкова, недавно вышедшую книгу иерея Вадима Коржевского «Пропедевтика аскетики», «Православную антропологию» иерея Андрея Лоргуса, «Основы христианской антропологии и психологии» Ю. М. Зенько, труды д. пс. н. М.Я. Дворецкой, пожалуй, и все. Существует еще «Курс лекций по христианской антропологии» кафедры теологии Самарской Государственной Академии Путей Сообщения. Причем, эта работа является, по-видимому, самой удачной с точки зрения легкости освоения обучаемыми, так как написана для изучения в светском ВУЗе.

Обращает на себя внимание, что стиль и дух самарского курса сильно отличается в своих частях. Части 1-ая и 3-ья, являющиеся собственно изложением антропологии, написаны светскими преподавателями и отличаются хорошим методизмом и некоторой «сухостью». Стиль изложения направлен «на разум», т.е. получение информации. Вторая часть, написанная доктором педагогических наук игуменом Шестуном Е. В., затрагивает вопросы педагогики, проникнута пастырским духом и легче воспринимается как руководство к действию в практической жизни христианина. В чем и видится ее достоинство. В целом, на наш взгляд, в Самарском учебнике, при хорошем методизме и достаточно полном изложении материала, не хватает ощущения живой беседы, слабо ощущается «святоотеческий дух», ввиду малого количества прямых цитат из трудов Святых отцов Церкви. Причины этого понятны, учебник рассчитан на студентов технических ВУЗов.

В приходских воскресных школах для взрослых обучаемые могут сильно отличаться как по возрасту, так и по уровню образования. Поскольку труды, особенно аскетические, святых отцов предназначались для души, а не для «внешней мудрости», цитаты из их писаний принципиально важны при работе в воскресной школе. Так, например, в случае возникновения спора во время занятия, спор очень быстро может быть пресечен зачитыванием высказываний святых отцов по этому вопросу. В предлагаемой ниже работе сделана попытка раскрыть христианское учение о человеке в ходе последовательного изложения, как бы в беседе, с большим числом выдержек из святоотеческих писаний, вплетенных прямо в излагаемый материал.

Введение

Христианское учение о человеке зиждется на основном догмате, гласящем, что весь этот тварный мир и венец творения – человек созданы Богом. Христианская антропология как наука весьма многогранна и, как и человек, которого она изучает, практически неисчерпаема. Следует сразу определиться, что, в отличие от мирской антропологии (в материалистическом ли ее варианте или идеалистическом), христианская антропология имеет три части, определяемые тем, человека в каком состоянии в данный момент она рассматривает. Первая часть есть учение о первозданном человеке, т.е. о человеке по его сущности, о его природном (некоторые отцы церкви называют его естественным) состоянии. Вторая часть (самая большая и для нас практически важная) учение о состоянии человека после грехопадения. Иногда в святоотеческой литературе именно это состояние человечества называют естественным, а иногда – нижеестественным. Святоотеческая терминология требует обязательного учета контекста. И третья часть – это учение о состоянии человека после Всеобщего воскресения. Эта часть немаловажная, так как составляет наше упование. Из представления о том, что есть человек, естественным образом вытекает теория и практика жизни христианина, зафиксированная в положениях науки, именуемой христианской аскетикой.

Во всех трех вышеуказанных состояниях своего бытия человек сохраняет свою структуру, которая в святоотеческой традиции рассматривается как двух- или трехчастная (дихотомия и трихотомия): душа—тело или дух—душа—тело. Так что ж, нет согласия в учении Святых отцов? Большая часть святых отцов в своих трудах придерживалась дихотомии, выделяя, зачастую, в душе чистейшую часть: ум или дух. На самом деле, в человеке все эти его части так взаимопроникают друг в друга, что границ явных нет и деление это весьма условно. Так св. Иоанн Златоуст говорил: «Посмотрите, какими крепкими узами связаны душа и тело, как страждут и тело и душа при их разлучении». В данной работе за основу взята трихотомия, как позволяющая методически более просто изложить материал.

Итак, человек состоит из тела, души и духа. Каждая из этих частей ограничена установленными Богом законами своего бытия. Изучение этих законов породило возникновение нескольких наук, как в христианской традиции, так и в секулярной (мирской, светской) науке.

Науки, изучающие тело человека

В секулярной науке законы, по которым живет тело, изучает физиология. Основная проблема, не афишируемая при этом – отсутствие понимания начальных причин сохранения или отсутствия гомеостаза (науке не известно, что такое жизнь, и причины ее возникновения и бытия), т.е. почему человек только что был жив, а теперь мертв. Тело то же, вещества в теле все те же, однако, жизни нет. Только что это тело подчинялось законам физиологии, а теперь – исключительно законам физики и химии. И этим телом, могут заняться люди, занимающиеся другой наукой о теле – анатомией. Цели физиологии как науки определяются, в основном, задачами медицины, отчасти – фундаментальной науки.

В христианской традиции мертвое тело не представляет предмета изучения, но может быть предметом почитания (мощи святых), и в любом случае требует уважительного отношения, как некогда бывшее вместилищем души, и имеющее быть воскрешенным в День Страшного Суда. Законы же, которым подчиняется живое тело, более точно будет сказать плоть, изучает христианская аскетика. Почему плоть? Потому что плотью принято называть не просто тело, а ту часть души человека, которая связана с его телесностью. То есть подразумевается наличие животворящей силы (души) в данном теле. Изучение этих законов необходимо для организации правильной практической жизни человека с точки зрения вечности, которая ждет каждого.

Науки, изучающие душу человека

В светской науке законы, по которым живет душа, изучает психология. Самое простое определение данной науки, предлагаемое и в учебниках по психологии – это наука о душе. В связи с этим светская психология имеет две фундаментальные проблемы. Проблема первая – наука не признает существование души. А «психе» в переводе с греческого – душа (низшая ее часть, свойственная и животным). Проблема вторая – не имея определения, что такое человек, не признавая, что человечество находится в поврежденном состоянии – делаются попытки определить норму состояния человеческой психики (или души?), и выработать способы достижения этой нормы. Поэтому существует множество школ психологии, которые зачастую абсолютно противоположно смотрят на одну и ту же проблему. Пожалуй, можно выделить еще одно серьезное положение: непонятно, зачем все это, если, рано или поздно, человек все равно умрет, зачем быть честным, если нечестный живет лучше меня? Три тысячи лет назад это сомнение высказал псалмопевец Давид: *«что мне в крови моей? Коли исходить мне во истление»?* В христианском учении о душе таких противоречий нет, т. к. христиане верят в личного всемогущего и человеколюбивого Бога, в существование души и неуничтожимость личности, имеют учение о повреждении человеческой природы. В православии законы, по которым происходит жизнь души, традиционно изучает аскетика. В современном подходе появилась и христианская психология. Правомерность такого дублирующего подхода лично мною ставится под сомнение. Очень похоже на заигрывание с предметом веры современного человечества – обмірщенной наукой. Аскетический подход к душе проверен почти двумя тысячами лет практики, в то время как психология как наука в системе духовного образования, если считать труды профессора Казанской духовной академии Снегирева В. А., едва насчитывает 140 лет. А если вычеркнуть из этого периода 70 лет советской власти, то картина становится и вовсе удручающая. Многие вопросы, которые Снегирев предполагал решить в рамках психологии, современной наукой не только не решены, а просто вычеркнуты из списка рассматриваемых проблем. Если православная аскетика четко представляет свои цели и задачи в неразрывной связи с вопросом

преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

о вечности, то задачи православной психологии, по всей видимости, на данный момент имеют направленность земную, а не небесную. Происходит обмірщение. В подтверждение

этой мысли приводятся высказывания святых отцов, живших в 4—5 веках по Рождеству Христову в египетских монастырях:

прп. Иоанн Кассиан Римлянин. «Собеседования Египетских отцов»

Глава 2. Вопрос аввы Моисея о том, какая цель должна быть у монаха и какой конец

Авва Моисей: «Все искусства и науки имеют какую-нибудь цель, то есть назначение, и свой конец. Рачительный любитель всякого искусства, смотря на него благодушно, охотно переносит все труды, все опасности и издержки. Так, земледелец, перенося иногда солнечный жар, иногда холод, неутомимо возделывает землю: он имеет целию очистить оную от терния и травы, а концом – наслаждение от плодов. Купец, несмотря на опасности, предстоящие ему на море и на суше, смело предается купле: он имеет целию прибыток от оной, а концом – наслаждение от прибытка. Воин не смотрит ни на опасности в сражениях, ни на трудность в походах: он имеет целию повышение в чине за мужество, а концом – пользу от чина. Так и наш обет имеет свою цель и свой конец, для достижения которого мы охотно сносим всякий труд и всякую тягость. Посему воздержание поста не утруждает нас, труд бдения нас улаживает, чтение и испытание писаний производится с охотою, трудность работ, послушание, нестяжательность, лишение всех земных вещей и сие пребывание в пустыне с приятностию совершаются. А вы, презревшие отечество, род свой, весь мир, предпринявшие странствование и пришедшие к нам, людям грубым и необразованным, скажите мне, какая ваша цель? И, какой конец имея в виду, вы сие сделали?»

Глава 3. Ответ, который дал Иоанн Кассиан: Мы в ответ на это сказали: «Мы это сделали ради Царства Небесного».

Глава 4. Вопрос аввы Моисея касательно высказанного намерения нашего: На это авва Моисей сказал: «Вы хорошо сказали о конце. Но не сказали, какая та цель, на которую взирая (и не уклоняясь от правого пути) мы можем получить Царство Небесное». Когда мы признались, что не знаем, старец отвечал: «Конец нашего обета, как сказано, есть Царство Божие, а назначение наше, то есть цель, – чистота сердца, без которой невозможно достигнуть одного конца. Итак, к этой цели да будет всегда устремлен ум наш, и если случится, что сердце наше сколько-нибудь уклонится от правого пути, мы тотчас обратим его и как бы по правилу архитекторского искусства направим к цели».

Глава 5. Все надобно направлять к определенной цели

И апостол Павел утверждает, что конец нашего обета есть Жизнь Вечная, говоря: имате плод ваш во святыню, кончину же жизнь вечную (Рим. 6, 22). А цель наша есть чистота сердца, которую он справедливо называет святостию, без которой вышеказанный конец не может быть достигнут. Он как бы так сказал другими словами: «Цель ваша в чистоте сердца, а конец – Жизнь Вечная». Касательно этого назначения он, в другом месте поучая нас, самое имя, то есть цель, знаменательно выразил, говоря так: задняя убо забывая, в предняя же простирался, со усердием гоню, к почести вышнего звания Божия (Флп. 3, 13–14). Итак, что может вести нас к этой цели, то есть чистоте сердца, тому всею силою и надобно последовать, а что отвлекает от нее, того надобно избегать, как вредного и губительного. Ибо для этой цели мы все переносим и делаем. Для нее все оставляем: родителей, отечество, достоинства, богатства, забавы и удовольствия этого мира, именно чтобы приобрести постоянную чистоту сердца. Итак, этою целию все наши действия и помышления всегда должны направляться к достижению ее. Если же она не будет постоянно находиться пред нашими взорами, то не только все наши труды останутся пустыми, непостоянными, напрасными, без всякой пользы, но и все помышления будут различные и друг другу противные. Ибо духу, не имеющему куда стремиться и к чему главно прилепляться, необходимо ежечасно и ежеминутно изменяться по разнообразию встречающихся впечатлений, и из того, что отвне будет встречаться, необходимо всегда преоб-

разоваться в то состояние, какое прежде встретится ему. Если же забудем сию цель, то необходимо нам должно, как идущим во тьме и непрямым путем, часто претыкаться и многократно заблуждать.

Подведем итог вышесказанному. Задачей жизни человека по православному учению является излечение в соработничестве с Господом нашим Иисусом Христом своей души от прирожденных ей по наследству и лично приобретенных своими грехами страстей, т. е. достижение чистоты сердца, стяжание подобия Божия. Тогда по сродству очищенных свойств духа человека с Духом Божиим, душа человека соединяется со Христом: в этом мире – «как бы сквозь мутное стекло»; по смерти явно, но несовершенно; в воскресении весь человек настолько сильно, насколько способен понести в себе Божий Свет. В своем «Алфавите духовном» прп. Макарий Великий говорит об этом так: «Чем душа услаждалась при жизни, к тому по необходимости она прилепляется после смерти». Страшная для человека истина: Бог не прикасается к свободной воле человека даже на Страшном Суде. Посмотри, человек, в себя и ответь, чем услаждается сердце твое?

Науки, изучающие дух человека

Светских наук занимающихся этим вопросом назвать невозможно, ввиду отсутствия представлений науки о духовной жизни, как жизни в общении с Духом Святым. Под духовным секулярное сознание понимает то, что в христианском понимании составляет душевное: искусство, науку и т. п.

Законы духовной жизни в православии всецело изучаются аскетикой. Окинув взглядом вышеизложенное, можно заметить, что все законы, по которым устроен человек, в православии объемлются одним деланием – аскетикой. Это естественным образом вытекает из учения о человеке как целом, по Божию замыслу, неделимом существе. В мирской науке знания о человеке распределены по комплексу наук: собственно антропология, этнография, психология, социология, комплекс разнообразных медицинских наук и т. д. То есть произошло то же, что и с падшим человеком – разделение. Эти направления науки даже в пределах одной дисциплины не имеют единства, зачастую даже противоречат друг другу. Далее, при существовании смежных дисциплин, призванных как бы объединить учение о человеке, слияния этих наук в нечто единое не происходит. Причин тому множество. И, по всей видимости, самая главная, притом не афишируемая – гордыня ученых мужей. Разрушить эти барьеры в светской науке не дают как методологическая несовместимость разных наук, так и разобщенность материально-технической базы. Странное дело, а для православной аскетики нужен только человек в своем культурно-историческом окружении и учение Господа нашего Иисуса Христа. **И больше ничего.**

Происхождение человека

Безусловно, наука о человеке начинается с вопроса о его происхождении. Не затрагивая вопрос о несостоятельности эволюционной теории (этот вопрос относится к апологетике¹), сразу переходим к его православной трактовке.

Православным мы называем такое вероучение, которое основано на Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, выражено в согласном мнении Святых отцов и освящено традицией церковного Богослужения. Темы сотворения мира и человека глубоко и всесторонне раскрыты в святоотеческих трактатах. Эти вопросы являются догматически значимыми для Православия. Они входят в Символ Веры и канонические правила Вселенских и Поместных соборов.

Христианин, рассуждая о вопросах происхождения мира, жизни и человека, по умолчанию, начинает каждую свою мысль с исповедания: «Поскольку Бог есть, то...» Православие не отвергает науку как таковую, но отлично представляет границы применимости так называемого «научного метода».

«Научное знание всегда ограничено, условно и потому никогда не может претендовать на абсолютную истинность». (Осипов А. И.) Путь разума в поисках истины. Основное богословие» М.1997)

В особенности несостоятельность научного метода познания проявляется при решении вопросов «как было?», «как началось?», «было ли?». Достоверный и убедительный ответ на подобные вопросы невозможен, поскольку экспериментальное подтверждение исторических событий исключено, а гипотетические экстраполяции в прошлое и в будущее не могут считаться достоверными по ряду причин. (См: Пуанкаре Анри, О науке. М.: Наука, 1983). Причем, уже святыми отцами были определены границы научного метода как

¹ ***Апологэтика** (от греч. *ἀπολογία* – защита, оправдание) или **основное богословие** – раздел христианского богословия, посвящённый обоснованию вероучения с помощью рациональных средств. Апологетика отстаивает ортодоксально-религиозную точку зрения в вопросе о сущности религии, её происхождении, критикует различные атеистические гипотезы происхождения и сущности религии, выдвигает и исследует доказательства истинности бытия Бога, а также основных положений христианской веры.

с точки зрения методики, так и с точки зрения меры познания (какие вопросы можно решать при изучении тварного мира).

Свт. Григорий Палама: *«Есть ли во внешней науке что-либо полезное для нас? Даже очень: ведь и в яде, извлекаемом из змеиных тел, много действенного и целебного, и знатоки врачебного искусства считают изготовленного из него снадобье лучшим и полезнейшим... Во внешней мудрости надо еще сначала убить змия, то есть уничтожить приходящую от нее надменность – как это нелегко! Ведь, как говорится, „философское высокомерие не сродни смирению“, – но, так или иначе, уничтожить; потом надо отсечь и отбросить как безусловное и крайнее зло главу и хвост змия, то есть явно ложное мнение о уме, Боге и первоначалах и басни о творении, а среднюю часть, то есть рассуждения о природе, ты должен при помощи испытующей и созерцательной способности души отделить от вредных умствований, как изготовители лечебных снадобий огнем и водой очищают змеиную плоть, вываривая ее».*

О сотворении человека и его связи с Первым пришествием Спасителя мы слышим на богослужении в храме в страстную седмицу:

«Ведомо же убо яко в шестый день седмицы, яже в пятокъ распятыя Господь занеже в шестый день создатися человеку». (синаксарь Великого Пятка)

«Якоже в первом миротворении, всякое дело содела въ Богъ, и последи господственнейшее в шестый день созда въ человека, въ седьмый почи от всехъ делъ своихъ, и освяти его, субботу именова въ, яже убо успокоение толкуется: сице и во умнаго мѣра делании изрядне вся содела въи, и в шестый назда въ паки истлевшаго человека, и обновивъ живоноснымъ крестомъ и смертию, в настоящий паки день упокои, совершеннымъ делъ упокоениемъ, живоестественнымъ и спасительнымъ уснув сномъ». (синаксарь Великой Субботы).

И живет человек, вне зависимости от своего состояния, не потому, что сам в себе имеет способность к жизни, а, как и все творение, по причине причастности к Божественному действию, энергии (см. свт. Григорий Палама). Святитель Иоанн Златоуст говорил в своих проповедях: «Человек не самобытная жизнь, а лишь существо причастное жизни». Если бы человек имел жизнь в самом себе, то он был бы бессмертным по природе. Святитель Григорий Богослов выразил эту мысль так: «Бог далек от нас не по месту, а по природе». Указание на источник бытия сделал сам Спаситель и Господь наш Иисус Христос: *«Азъ есмь путь, истина и животъ».*

Из этого следует вывод о том, что такое смерть. Смерть – это, в широком смысле, не только разлучение души с телом, а, прежде всего, прерывание связи с Богом, отдаление от его животворящих энергий. Именно это произошло в результате грехопадения Адама.

Итак, **человек создан Богом** в шестой день творения.

Личность

Особое наполнение в православии имеет понятие личности. Личность – это понятие базовое, не сводимое к частям. Напомним, что базовые понятия практически невозможно определить, их можно только пережить. Так, невозможно объяснить человеку, что такое красный цвет, если он его никогда не видел. Цвет человек должен увидеть, т.е. пережить в ощущении. Но в некотором приближении попытаемся дать определение личности.

Обобщая и синтезируя святоотеческие тексты, работы дореволюционных и современных богословов, можно дать следующее **определение личности**: личность есть глубинное основание человеческой природы, принципиально несводимое к ней и сотворенное по образу Божию; личность есть сам человек, как свободный, разумный, словесный, творческий *субъект*; личность есть самостоятельное, уникальное и именуемое *лицо*, реализующее дарованный ему образ Божий и стремящееся к подобию Божию – через самопознание, очищение и овладение всеми силами своей природы, через любовь к Богу и другим людям.

Во-первых, сотворение личности человека по *образу Божию* есть основное определение личности в христианском богословии. Такой высокой чести, быть носителем образа Божия, кроме человека не удостоился больше никто – даже самые могущественные ангелы. Именно к личности, как образу Божию, согласно святоотеческой традиции относятся такие качества, ставящие человека над физической природой, как разумность, свобода, словесность, творчество.

О последнем следует сказать особо, ибо именно человеку в силу его богообразности дана возможность творчества, чего нет даже у ангелов. Как писал Григорий Палама: «Земледелие, строительство домов, творчество вещей из ничего, – разумеется не из совершенного небытия, ибо это уже дело Божие, – все это дано только людям... А происходит это для достаточного удостоверения пришествия и явления Всевышнего Слова во плоти. Ничего подобного никогда не свойственно ангелам» /цит. по: Киприан (Керн). 1996, с.364/. Сам архим. Киприан (Керн) так комментирует эту мысль Григория Паламы: «Ангелам не дана, величайшая способность, доступная человеку, дар творческий, роднящий человека с его Творцом. Если Бог Творец, и Творец из ничего, то и мы, созданные по образу Творца, являемся тоже творцами не существовавших до того предметов и образов. Конечно, есть и разница: Бог творит из совершенного небытия, мы же вызываем к жизни что-то существующее в каком то умопостигаемом мире, но в эмпирическом мире реально еще не бывшее» /там же, с.365/. Но дар творчества принадлежит именно личности, а не природе человека (тем более, не каким-либо частям его природы – мышлению, интуиции и пр.). Поэтому столь непродуктивны и тщетны поиски «алгоритмов» и «механизмов» творчества.

Во-вторых, именно для обозначения личности как глубинного *основания* природы (и человеческой, и Божественной) древнехристианская богословская мысль обратилась к новому, до этого не столь широко употребляемому понятию – «ипостась» (ὑπόστασις). В этом был достаточный момент новизны, который нужно было специально обговаривать и нередко отстаивать, что и делало христианское богословие на протяжении первых веков своего существования.

Если сравнивать такие понятия, как личность, индивидуальность и природа, можно определить их следующим образом. Личность – это собственно тот субъект, который обладает всеми природно-индивидуальными свойствами. Само по себе личностное бытие бескачественно. Любые характеристики относятся к природе. Личность же – это тот, кто владеет этими качествами, свойствами, энергиями, кто разворачивает их в реальном бытии. Природа отвечает на вопрос «что?», индивидуальность – на вопрос «как?», личность – на вопрос «кто?». Личность есть субъект действий. Индивидуальность – способ осуществления дей-

ствий. Природа – то, что действует, источник энергий, реализованных, воплощенных («вои-постазированных») действием (Кураев. 1997, с. 18).

И в философии, и в психологии часто отождествляют личность и индивидуум, индивидуальность. Но с православной точки зрения совершенно неверно понимать личность только как *индивидуума*, с его индивидуально-неповторимыми (биологическими, психологическими и социальными) свойствами. неповторимость христианской личности совсем в другом: «*Не свойства индивидуальной природы, но только личное отношение каждого человеческого существа к Богу – вот в чем неповторимость человеческой личности; отношение же это утверждается Духом Святым и осуществляется благодатью*» (Лосский. Кафолическое сознание. 2000, с. 571).

С точки зрения православного догматического богословия отождествление понятий *личности* (ипостасис) и *сущности* (усия) или *природы* (фюзис) совершенно неверно. Более того, это является центральным вопросом всей христианской антропологии: различение этих понятий в отношении к человеку позволило определить человека как личность – ипостась, сотворенную по образу Божьему. В этом, личностном, подходе к человеку состоит принципиальное отличие христианства от всех других религий, в которых личность человека умалется, либо, даже, отрицается (как в буддизме и многих восточных религиях). В учении о личности – ипостаси фактически и состояло новое христианское *откровение о человеке*.

Нельзя использовать не по прямому назначению такой важный и значительный термин как *ипостась*. А пока, к сожалению, даже среди православных психологов можно услышать о разных «ипостасях человека», или даже – о нескольких «ипостасях проблемы», то есть термин *ипостась* используется в качестве синонима слов сторона, аспект и пр. Русский язык богат различными синонимами, так что, кажется, вполне можно было подыскать соответствующее слово, но без неадекватного использования термина христианского богословия.

Одной из основных характеристик личности-ипостаси есть ее **несводимость к природе**. Отсюда вытекают следующие принципиальные выводы:

- Личность **НЕ** состоит из тела и души (в дихотомическом варианте), или из тела, души и духа (в трихотомии); тело, душа и дух относятся именно к человеческой природе и, следовательно, никак не к личности, которая несводима к природе;

- личность нельзя отождествлять с душой (Новиков. 2000, с. 37), впрочем, также как и с умом, духом, сознанием или самосознанием.

Важнейшим свойством личности является то, что она, не смотря на ограниченность в условиях этого мира, по своей внутренней сущности соотносится с самим Богом: «по существу, понятие личности завершается для нас именно в идее Абсолютной Личности...» (Зеньковский. 1993, с. 43). Сотворение личности человека *по образу Божию* (там же, с. 211) – основное определение личности в христианском богословии.

Из предыдущего богословского определения личности следуют важные выводы в отношении ангелов:

- утверждение о том, что ангелы являются *личностями*, неверно – ибо ангелы не имеют образа Божия, ибо «один человек сотворен по образу и подобию Божию» (Макарий Египетский. 1998, с. 132); ангелы это «небесные силы», имеющие не *личности* (ипостаси), но *лица* (просопон), что выражается в их именуемости, разумности (но без творчества), некоторой свободе (но намного меньшей, чем у человека, хотя и позволившей отпасть от Бога части из них);

- по этой же причине личностями не являются и злые духи, падшие ангелы; они имеют *лицо* как внешнюю маску-просопон, как личину, а внутри них – онтологическая пустота и мрак, потому что основой любого бытия и света является Бог, от которого они отказались: «зло не живая и одушевленная сущность, но состояние души, противоположное доб-

родетели и происходящее в беспечных чрез отпадение от добра» (Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Беседа 2).

Кстати, после прихода Христа отношение ангелов и людей принципиально изменилось. Воплощение упразднило уникальность ангелов, как посредников между Богом и людьми. Архангел Гавриил, принадлежащий к одному из низших ангельских чинов, был послан к Деве Марии с благой Вестью именно в знак отмены всех ветхозаветных рангов и структур (Мейендорф. Введение... 2001, с. 363).

В православном христианстве **понимание Бога в качестве Личности** есть главнейшая и неоспоримая данность, из которой вытекает огромное множество положений богословского, антропологического и сотериологического² характера (и что закреплено в церковном предании и многочисленных святоотеческих трудах).

Даже в самых глубинных формах христианского богообщения человеческая личность, сознание и самосознание сохраняются. Об этом пишут те христианские аскеты и подвижники, о которых можно сказать, что они реально это узнали из своего духовного опыта. Например, по Макарию Египетскому: «Петр остается Петром, Павел – Павлом и Филипп – Филиппом; каждый, исполнившись Духа, пребывает в собственном своем естестве и существе» (Макарий Египетский. 1998, с. 115).

² **Сотериоло́гия** (греч. σωτηρία «спасение» + греч. λόγος – учение, слово) – богословское учение об искуплении и спасении человека, является частью догматического богословия.

Человек до грехопадения

ЧЕЛОВЕК ДО ГРЕХОПАДЕНИЯ

Книга Бытия пророка Моисея в двух первых главах описывает сотворение человека и его свойства до грехопадения. По толкованию святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого в первой главе книги Бытия сказано о сотворении человека в общих чертах, что был сотворен человек, мужчина и женщина. А во второй главе описано как происходило это создание. Принципиальная святоотеческая мысль: человек как существо в своей полноте состоит из двух равночестных перед Богом частей: мужчины и женщины

Книга Бытия глава 1.

26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями], и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле

27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями], и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею], и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу;

30. а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду], пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Книга Бытия глава 2

1. Так совершены небо и земля и все воинство их.

2. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

3. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4. Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо,

5. и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли,

6. но пар поднимался с земли и орошал все лице земли.

7. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

8. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

10. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12. и золото той земли хорошее; там в долах и камень оникс.

13. Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш.

14. Имя третьей реки Хиддекей [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.

15. И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

16. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть,

17. а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

18. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

21. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотью.

22. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

23. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего].

24. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть.

25. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

Обобщенное христианское учение о том, как был сотворен человек и каким он был до своего грехопадения, приводим по книге прп. Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры» (далее ТИПВ):

Глава XII. О человеке

Так создал Бог духовную сущность, т. е. ангелов и все небесные чины, ибо ангелы, без всякого сомнения, имеют духовную и бестелесную природу. Впрочем, я говорю о бесплотной природе ангелов, по сравнению с грубой вещественностью материи, ибо по существу только Божество нематериально и бестелесно. Кроме того. Бог создал и чувственную сущность, т. е. небо, землю и то, что находится между ними. И первую сущность Бог создал подобной Себе, ибо подобна Богу разумная природа, постигаемая только умом. Вторую же сущность Бог создал во всех отношениях весьма далекой от Себя, поскольку она вполне доступна чувству. Но надлежало, чтобы произошло также и смешение обеих сущностей, которое свидетельствовало бы о высшей мудрости и щедрости в отношении обеих природ и, как говорит богоглаголивый Григорий, было бы некоторою связью между видимой и невидимой природою. Я говорю «надлежало», разумея здесь волю Творца, ибо она есть самый совершенный устав и закон. И никто не скажет Творцу: зачем ты сотворил меня так? ибо горшечник властен делать из своей глины различные сосуды (Рим. 9, 21), дабы показать свою мудрость.

Таким образом, Бог из видимой и невидимой природы Своими руками творит человека по Своему образу и подобию. Из земли Он образовал тело человека, душу же разумную и мыслящую дал ему Своим вдунувением. Это мы и называем образом Божиим, ибо выражение: по образу – указывает на способность ума и свободы; тогда как выражение: по подобию – означает уподобление Богу в добродетели, насколько оно возможно для человека. Душа была создана вместе с телом, а не так, как пустословил Ориген, будто сначала была сотворена душа, а потом тело.

Итак, Бог сотворил человека непорочным, правым, любящим добро, свободным от печали и забот, украшенным всякою добродетелью, изобилующим всеми благами, как бы некоторый второй мир – малый в великом, – как нового ангела, поклоняющегося Богу, – сотворил его смешанным из двух природ, созерцателем видимого творения, проникающим в тайны творения мысленного, царствующим над тем, что на земле и подчиняющимся вышней власти, земным и небесным, временным и бессмертным, видимым и умопостижимым, как середину между величием и ничтожеством; сотворил его в одно и то же время духом и плотью: духом по благодати, плотью – в предупреждение гордости; духом – затем, чтобы он оставался неизменным и прославлял Благодетеля, плотью – затем, чтобы страдал и страдая памятовал о том, кто он, и, впадая в гордость, вразумлялся; сотворил его живым существом, которое направляется здесь, т. е. в настоящей жизни, и которое переселяется в иное место, т. е. в век будущий; сотворил его – что составляет предел тайне – в силу свойственного ему тяготения к Богу, превращающимся в Бога по причастию к божественному озарению, но не переходящим в божественную сущность.

Он создал его по природе безгрешным и по воле свободным. Я говорю: «безгрешным» – не потому, что он не был восприимчив ко греху – ибо **только Божество не доступно греху**, – но потому, **что возможность греха заключалась не в его природе, а скорее в его свободной воле**. Это значит, что, при содействии божественной благодати, он имел возможность пребывать и преуспевать в добре, а равно и, в силу своей свободы, при поущении Божиим, оставить добро и оказаться во зле, ибо то, что делается по принуждению, не есть добродетель».

До грехопадения первых людей устройство человеческого естества было строго иерархично: тело пребывало в послушании душе, душа – духу, а дух был всецело обращен к Богу.

После грехопадения стали возможны другие варианты: господство плоти (тела), когда дух и душа (то есть высшее в человеке) обслуживает низшее или господство души вместо духа.

Очень часто задают вопрос: «А зачем Бог создал людей?» По мысли большинства Святых отцов это известно только одному Богу (см. выше), и не стоит допытываться об этом, так как *«разум должен соблюдать меру познания, чтобы не погибнуть»* (прп. Петр Дамаскин).

Блаж. Августин выражал это в известных словах: «Для Себя Ты создал нас, Боже, и не успокоится душа наша, пока не сольется с Тобой». Духу нашему в самом деле присуща ненасытимая, неутомимая жажда идти вперед и вперед, присуще то тяготение к «Безусловному», которое должен был признать и Кант, хотя и называл все, вытекающее из этого искания Безусловного, «трансцендентальной иллюзией» (см. «Трансцендентальную диалектику» в Критике Чистого Разума).

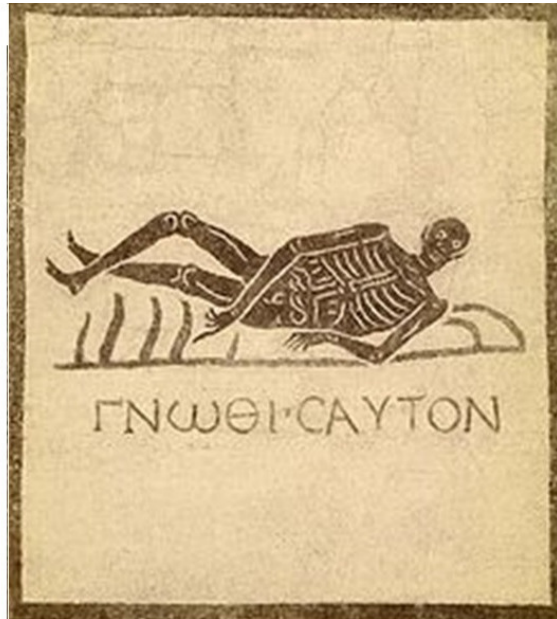
Это искание Бесконечного и Абсолютного есть источник неугасимого движения души, есть источник ее динамизма; душа наша сопряжена с Богом, она Им живет и держится, Его ищет и Им воспламеняется.

Но *«человек в чести сый не разуме, и приложися скотом несмысленным и уподобися им»*. Праотец Адам пал. И через это падение вошла в мир смерть. Человек стал страстным (страдательным, т.е. стал чувствовать боль, голод, страх и т.п.), тленным и смертным. Это событие назвали первородным повреждением или грехом. Причины этого падения человека разные Святые отцы называли разные. Но все высказывания не противоречат друг другу, не смотря на внешние отличия. Просто, назывались причины сообразно с домостроительством, в зависимости от необходимости научения той или иной добродетели паствы или учеников. Так, Василий Великий со многими иными Святыми отцами называет причиной невоздержание (детище своеволия) или нарушение заповеди о посте. Другие говорят, что причина – чревоугодие. Но все вместе: что причиною явилась горделивая мысль в человеке, что он будет как Бог не по благодати, а по природе. Все эти объяснения имеют логический вывод для практической жизни христианина – с какими страстями необходимо бороться, и насколько опасна та или иная страсть, как повлекшая за собой такие бедственные последствия.

Образ Божий в человеке

Часто пишут, что «*человек сотворен по образу и подобию Божию*». Но последнее неверно. Обратимся к библейскому тексту: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека *по образу Своему, по образу Божию сотворил его*; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 26—27). То есть реально человек создан только по образу Божьему, о чем Василий Великий писал: «При первоначальном творении нам даруется быть рожденным по образу Божию; своей же волею приобретаем мы бытие по подобию Божию» (Василий Великий. 1972, с. 36). Образ Божий *дан* человеку, подобие же *задано*, оно есть то, что осуществляется на основе этого образа, как задача всей его жизни.

Γνῶθι σεαυτόν

Римская мозаика с надписью на греческом языке «Познай себя»

Скажи ми Господи кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумею, что лишаюся азъ. Се, пяди положил еси дни моя, и составъ мой яко ничтоже предъ тобою: обаче всяческая суета всякъ человекъ живой. Убо образомъ ходить человек, обаче всеумятется: сокровиществуетъ и не вестъ кому собрать я. (псалом 38)

Человек после грехопадения

ЧЕЛОВЕК ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ

И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Как бы не была повреждена человеческая природа – одно в ней осталось неизменно: *«Сама себя определяющая, иначе сказать, разумная и свободная жизнь, составляющая преимущество человеческого рода, есть первая, единственная и истинная действительность нашей природы».* (ТИПВ, прп. Иоанн Дамаскин). То есть **СВОБОДА ВОЛИ**. И мы вольны сами выбирать свой путь. *«Есть царство света и царство тьмы. Разберись в себе сам, кому ты служишь»* (Алфавит духовный. прп. Макарий Великий).

Вот что по этому поводу пишет **прп. Иоанн Дамаскин** в «Точном Изложении Православной Веры»:

Глава XXIV. «О добровольном и невольном»

Так как и то, что добровольно, и то, что считается за невольное, находятся в том или другом поступке, то некоторые и о том, что действительно невольно, полагают, что оно бывает не только в страдании, но и в действии. В противоположность этому, следует иметь в виду, что поступок есть разумная деятельность. Поступки сопровождаются или похвалой, или порицанием. При этом одни из них совершаются с удовольствием, другие – с неудовольствием;

Преподобный Макарий Великий

одни привлекательны для действующего, другие отвратительны. Далее, из числа привлекательных поступков одни всегда привлекательны, другие в течение некоторого времени. То же самое имеет место и в отношении поступков отвратительных. Кроме того, одни поступки милуются и удостаиваются снисхождения, другие же вызывают к себе ненависть и наказываются. Таким образом, за добровольным всегда следует или похвала, или порицание; добровольные поступки всегда совершаются с удовольствием и бывают для совершающего привлекательны – привлекательны или всегда, или тогда, когда совершаются. Напротив, невольное отличается тем, что удостаивается снисхождения и милости, совершается с неудовольствием, не привлекательно, и оно никогда бы не было допущено человеком, хотя бы он к тому принуждался.

Невольное бывает двоякого вида – невольное в силу принуждения и невольное в силу неведения. Первое имеет место тогда, когда действующее начало, или причина, находится вне, т. е. когда мы принуждаемся кем-либо другим, а сами нисколько на то не соглашаемся, не участвуем в том собственным расположением и нимало тому не содействуем, или когда мы по собственному почину совершаем то, к чему вынуждаемся. Определяя этим вид невольного, мы говорим: невольное есть то, начало чего находится вне и в чем подвергнувшийся принуждению не участвует собственным расположением; при этом под началом мы здесь разумеем производящую причину. Невольное в силу неведения имеет место в том случае, когда мы не сами бываем причиной нашего неведения, но когда наше неведение случайно. Так, если кто в состоянии опьянения совершит убийство, то он совершил убийство по неведению, но не невольно, ибо причину неведения, т. е. пьянства, создал он сам. А если кто, стреляя на обычном месте, убил проходившего мимо отца, о таком говорят, что он невольно это сделал – по неведению.

Если, таким образом, невольное бывает двоякого рода – в силу принуждения и в силу неведения, то добровольное будет противоположно обоим этим родам невольного, ибо добровольное есть то, что совершается и не в силу принуждения, и не в силу неведения. Итак, добровольное есть то, начало чего, или причина, находится в самом действующем, подробно знающем все то, при посредстве чего совершается поступок и в чем он состоит. Подробности эти у ораторов называются обстоятельствами. Таковы: кто? т. е. кто совершивший какое-либо действие? кого? т. е. кто воспринял это действие? что? т. е. самое действие, например, убил; чем? т. е. каким орудием? где? т. е. на каком месте? когда? т. е. в какое время? как? т. е. способ совершения действия, почему? т. е. по какой причине [57].

Следует иметь в виду, что есть нечто среднее между добровольным и невольным. Так, желая избежать большого зла, мы решаемся на неприятное и прискорбное, как, например, во время кораблекрушения мы выбрасываем находящийся на корабле груз.

Следует принять во внимание то, что дети и неразумные животные действуют добровольно, но не по свободному выбору. Равным образом то, что мы делаем в раздражении, без предварительного обдумывания, мы делаем добровольно, однако не по свободному выбору. Точно так же, если к нам неожиданно приходит друг, мы принимаем его добровольно, однако здесь нет свободного выбора; или если кто неожиданно получит богатство, он получает его добровольно, однако опять без свободы выбора. Все это принимается добровольно, ибо доставляет удовольствие, однако здесь нет свободы выбора, так как нет предварительного обдумывания. А как было сказано выше, обдумывание всегда должно предшествовать выбору.

Глава XXV. О том, что в нашей власти, или о свободе

Рассуждая о свободе, т. е. о том, что в нашей власти, мы прежде всего встречаемся с таким вопросом: находится ли что-либо в нашей власти? — ибо многие против этого спорят. Вторым вопросом будет вопрос о том, что находится в нашей власти и в чем мы свободны. Наконец, в-третьих, мы должны выяснить причину, по которой сотворивший нас Бог сотворил нас свободными. Начав с первого вопроса, прежде всего докажем, исходя из оснований, признаваемых даже противниками, что есть нечто, находящееся в нашей власти. Мы поведем свою речь таким образом.

Причиной всего совершающегося признают или Бога, или необходимость, или судьбу, или природу, или счастье, или случай. Но произведением Бога является сущность вещей и промышление; произведением необходимого — движение того, что существует неизменно; произведением судьбы — то, что ею производится с необходимостью, ибо сама судьба есть выражение необходимости; произведением природы — рождение, возрастание, разрушение, животные и растения; произведением счастья — редкое и неожиданное, ибо счастье определяют как совпадение и стечение двух причин, имеющих свое начало в свободном выборе, но производящих не то, что они должны бы произвести. Так, например, будет в том случае, если копающий яму найдет клад. В самом деле, положивший клад клал его не с тем намерением, чтобы другой его нашел; равным образом, этот последний копал землю не с тем намерением, чтобы найти клад. Но первый положил клад с тем, чтобы взять, когда пожелает, а второй копал с тем, чтобы вырыть яму. Случилось же нечто другое, отличное от того, что хотели тот и другой. Наконец, произведением случая являются такие события с неодушевленными предметами и неразумными животными, которые не зависят ни от природы, ни от искусства. Так говорят противники свободы. Под какую же из этих причин подведем мы человеческие действия, если человек не есть причина и начало своего действия? Богу не прилично приписывать постыдных и несправедливых поступков, иногда допускаемых людьми. Нельзя приписывать человеческие действия необходимости, ибо они не принадлежат к тому, что неизменно. Нельзя их приписывать судьбе, ибо произведением судьбы называют не случайное, но необходимое. Нельзя их приписывать природе, ибо произведения природы суть животные и растения. Нельзя их приписывать счастью, ибо действия людей не есть что-либо редкое и неожиданное. Нельзя их приписывать случаю, ибо случайными событиями называются события с неодушевленными предметами и неразумными животными. Итак, остается допустить, что сам действующий и производящий что-либо человек есть начало своих действий и свободен.

Кроме того, если человек не есть начало ни одного своего действия, то ему будет не нужна способность обдумывать свои действия; ибо к чему он приложит эту способность, если он не властен ни в одном своем действии? ведь всякое обдумывание имеет в виду действие. Но признать ненужным то, что есть самого прекрасного и ценного в человеке,

было бы верхом нелепости. Поэтому, если человек обдумывает свои поступки, он делает это ради действия, ибо всякое обдумывание имеет в виду действие и обуславливается действием.

Глава XXVI. О бывающем.

Из того, что бывает с нами, одно находится в нашей власти, другое же не находится в нашей власти. В нашей власти находится то, что мы свободны и сделать, и не сделать, иначе сказать: все то, что нами делается добровольно, ибо действие не называется добровольным, если оно не находится в нашей власти. Словом, в нашей власти находится все то, что сопровождается порицанием и похвалой, и к нему относятся побуждение и закон. В собственном же смысле в нашей власти находится всякое внутреннее действие и то, что нами обдумывается. Обдумывание же имеет место при равно возможных действиях. Действия равно возможны тогда, когда мы можем совершить как одно, так и другое, противоположное первому. Выбор действия производится нашим умом, и потому он является началом деятельности. Таким образом, в нашей власти находится все то, что мы одинаково можем и делать и не делать, например: двигаться и не двигаться, стремиться и не стремиться, желать того, что не является необходимым, и не желать, лгать и не лгать, давать и не давать, радоваться или не радоваться, чему должно, а равно радоваться или не радоваться, чему не должно, и все тому подобное, в чем состоят поступки добродетельные и порочные, ибо во всем этом мы свободны. К числу равно возможных действий относятся и искусства, ибо в нашей власти заниматься или не заниматься каким угодно искусством.

Следует заметить, что выбор действий всегда находится в нашей власти; но действие нередко задерживается особым действием Божественного Промышления.

Глава XXVII. О том, в силу чего мы свободны

Мы утверждаем, что свобода связана с разумом, и что тварям свойственно изменение и превращение. В самом деле, все, что произошло от другого, – изменяемо, так как необходимо должно быть изменяемым то, что получило свое начало вследствие изменения, а изменение и бывает в том случае, когда что-либо из небытия переходит в бытие или когда из данного вещества образуется что-либо другое. Но по изложенным здесь способам телесного изменения изменяются неодушевленные предметы и неразумные животные; разумные же существа изменяются по произволу. Разумному существу принадлежат две способности – созерцательная и деятельная. Созерцательная способность постигает природу сущего, деятельная же способность обдумывает поступки и определяет для них правильную меру. Созерцательную способность называют разумом теоретическим, деятельную же – разумом практическим; созерцательную способность называют также мудростью, деятельную же – благоразумием. Итак, всякий обдумывающий свои действия, так как выбор действия зависит от него, обдумывает их затем, чтобы решенное при таком обдумывании выбрать и, выбрав, исполнить. Если же это так, то разумному существу с необходимостью усваивается и свобода, ибо оно или не будет разумным, или, если разумно, то будет господином своих действий и свободным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.